

Церковь Архангело-Пашийского завода

Весной 1785 года началось строительство Архангело-Пашийского завода. Сотни крестьян были отправлены в абсолютно глухое на тот момент место. Рубили лес, расчищали место под застройку будущей домны, возводили плотину и первые рубленные деревянные дома будущего поселка. Жили в наспех вырытых землянках, а то и в шалашах. Для большинства из них это не было даже постоянным местом жительства, а местом отработки барщины вдали от своих домов и семей.

Но потребность в церковных обрядах все равно появилась. В первую очередь для погребения умерших на стройке. Для исполнения их был назначен священник ближайшего (всего то 30 верст по прямой) Камасинского села.

Иерей¹ Федор Варушкин в мае 1786 года докладывалⁱ: «Умершие погребены по должному христианскому чиноположению большею частью при заводе за распутным временем а частью при Камасинском селе за церковью».

Священники регулярно посещали строительство, все тот же Варушкин писал: «Был я здесь с 12 до 15 числа апреля, то есть в четвертый раз с моего вступления во священничество и товарищ мой иерей Александр Варушкин как прежде, так и после здесь был».ⁱⁱ

Несмотря на то, что строительство церкви явно не было первоочередной задачей при возведении завода, ее наличие планировалось с самого начала. Управитель Пермскими вотчинами князя Голицына Иван Иванович Варокин, тот самый, чья подпись стоит под рапортом о запуске в действие Архангело-Пашийского завода, после посещения стройки летом 1786 года определил ее местоположение. В своем распоряжении от 28 сентября того же года, где он определял планировку будущего поселка, писал: «Я словесно сей канторе довольно уже твердил а и с четвертого кварталу правая сторона должна оставлена быть на место церкви и около оной ограды а левая против одного места приличествует место оставить священно церковнослужителям».ⁱⁱⁱ

Известный Пашийский краевед В.В. Киреев высказал остроумную теорию о дате закладки церкви, основанной на ее ориентации по сторонам света. Действительно церковь не стоит параллельно улицам, идущим с юго-запада на северо-восток, а отклонена на 32 градуса. По его расчетам, основанным на азимуте восхода солнца и соответствия его дате праздника троицы, это было 31 мая 1786 года^{iv}. Исходя из обнаруженных архивных данных стало известно, что церковь заложили на несколько лет позже, но очень даже может быть, что в эту дату было определено будущее расположение церкви на плане.

По существовавшему порядку строительство новой церкви должно производиться только после согласования с церковной Епархией, так как создание нового прихода, назначение священника было исключительной прерогативой церковных властей. И вот 14 апреля 1787 года Епископу Вятскому Лаврентию подано прошение от управителей Кокшарова² и Варокина о строении церкви в Архангело-Пашийском заводе.

Вопрос оказался не простым. Проведенное Епархией «следствие» показало, что в Пашийском заводе находится 483 человека обоего пола, в Кусьинском 183 человека обоего пола. Даже с учетом присоединения к приходу Кусье-Александровского завода по существующим в то время нормативам еще не хватало населения для создания нового прихода. До нормы не хватало 9 дворов, а

¹ Священник

² Константин Федотович Кокшаров был Главным управителем всех вотчин Голицыных, но с начала строительства Архангело-Пашийского завода был откомандирован в Пермское имение.

для священнослужителей не выделялась пашенная земля за отсутствием такой на заводе. Кроме того, наличие «вблизи» Камасинской церкви тоже не удовлетворяло нормам по минимальному расстоянию между церквями. По расчетам «следователей» от Камасинской церкви до Архангело-Пашийского завода 40 верст, а до Кусье-Александровского завода 50 верст.

По тем временам это было настолько серьезным вопросом что для решения его потребовалось решение высшего церковного органа – Синода. Начались долгая бюрократическая процедура. Запрос был отправлен в Пермское духовное правление, оттуда в Вятскую Епархию, затем в Синод, который рассмотрев его 26 января 1788 года постановил отложить рассмотрение в связи с болезнью Вятского Епископа Лаврентия.

В Синоде тоже все было не просто, для того чтобы прошение не затерялось бывшему в то время поверенным Голицыных в столичном Санкт-Петербурге Ивану Варокину младшему, сыну Пермского управителя, было поручено: «Так же о церкви Архангелопашийской по Синоду иметь старание». Только к концу весны дело было окончательно рассмотрено и вот 9 мая 1788 г. он рапортовал что о строении при Архангело-Пашийском заводе церкви указ подписан и отправлен^v.

26 мая 1788 года Епископ Лаврентий докладывает в Синод, что получил от него указание о создании нового прихода и выдает разрешение на строительство церкви. Однако и тут не обошлось без волокиты. Разрешение из Вятской Епархии до Перми добиралось почти год! Узнавать о получении разрешения на строительство поручено было все тому-же священнику Федору Варушкину и только 28 марта 1789 года он рапортует Главному управителю вотчинами Кокшарову: «О построении Пашийской церкви Храмозданная грамота для отдачи просителям в пермское духовное правление при указу послана сего февраля 7 числа»^{vi}.

Надо отметить, что пока шла эта бюрократическая волокита, проблемы несоответствия нормативам ушли сами собой и в 1791 году все тот же епископ Лаврентий писал в Синод что за прошедшее время в приходе появилось и дворов и людей более 400 душ мужского пола и население еще пребывает «И в оном заводе церковь по данной от меня храмоздатной грамоте строится каменная»^{vii}.

В октябре 1789 года Главный управляющий имениями Константин Федорович Кокшаров подписывает распоряжение в Архангело-Пашийский завод, в котором говорится: «Поелику уже на построение при Архангелопашийском Заводе Святой церкви дозволение изходатойствовано, то посему и остается теперь помышлять о самом уже предназначения строения, а как я предпринял неперменные меры чтобы церковь сооружена была каменного здания»^{viii}.

Под такими мерами, скорее всего подразумевается, согласование с князем Голицыным решения о строительстве именно каменной церкви, а не деревянной, что явно было бы дешевле и быстрее. Князь изначально был против каменного строительства, а уж тем более двухэтажного. Но Кокшаров смог уговорить его, хитростью добившись желаемого результата. Это видно из его переписки с князем: «однако согласились чтобы каменную сделать. А о двух или об одном этаже ничего не соизволили сказать» - писал он, утверждая, что в письме упомянул и про то, что церковь будет двухэтажная - «на что ваше сиятельство и никакого запрещения не соизволили учинить»^{ix}.

Также в упомянутом распоряжении сообщается, что для служения в будущей церкви направляется Камасинский священник Федор с семейством, которого требуется встретить и определить на квартиру, до постройки дома. Священника в 1789 году уже поставили на заводское довольствие и в заводской ведомости стали появляться статьи расходов, связанные с будущей церковью: «За купленные в Перми для Федора Варушкина ризы и прочее для Архангелопашийской Троицкой

церкви 113 руб. 85 копеек»^x. В том же году за неимением церкви к празднику Архангела Михаила (8 ноября) предписывается поставить часовню.

Весной и начале лета 1790 года в Пашии начались подготовительные работы. Место под церковь было расчищено, рядом с местом стройки построен сарай «для деланья кирпича», начали привозить и складировать камень для фундамента. Самым первым предметом, привезенным в поселок для будущей церкви, был колокол. Его привезли и временно разместили «на первый случай близь господского большого дому хлебного анбара» еще 5 сентября 1788 года.

11 июля 1790 года Кокшаров своим очередным приказом сообщает на завод: «Мною в Перми наняты каменщики Пермский мещанин Зотий Степанов Еремеев, который и будет при строении уставщиком и при нем работников 3 человека. Пермские мещане Степан Гурков, Трофим Феклистов и городской государственный крестьянин Трофим Вотинцов, которые на завод и посылаются. К копанью рвов и заложению фундамента до моего приезда или откомандирования знающего человека не приступать.»^{xi}

Но каменщики прибыли на завод уже к моменту получения этого приказа. Заводской приказчик Митянин тут же рапортует: «Строители церкви на завод явились, определены на квартиру, обеспечены харчами. Инструменты приготовлены, начинаем копать колодец»^{xii}. Колодец, упомянутый в сообщении – это не тот, в котором черпали воду, а резервуар для разведения извести.

Управитель Кокшаров на стройку так и не приехал. Присматривать за началом строительства поручено управителю Ивану Ивановичу Варокину, который проводит в Пашии с 1 июля 1790 года два с половиной месяца. Из рапорта Варокина можно узнать точную дату закладки церкви: «За нескорым получением храмозданной грамоты³ принуждено было прежде заложить палатки, которые и заложены 9 июля, 14го июля получена грамота и заложена церковь».^{xiii} Собственно палатки это не что-то отдельное, а часть здания, в дальней от алтаря части, которые использовались для хозяйственных нужд.

Понятно, что четыре упомянутых человека вряд ли сами могли построить церковь. Кроме них были наняты еще «Чюсовских городков вольные каменщики»^{xiv}:

- Михайло Кашин
- Афонасий Маслов
- Яков Брашкин
- Петр Мингалев
- Андрей Брашнин
- Осип Куимов

Но и это еще не все строители. К строительству были привлечены и свои крепостные крестьяне - Кусье-Александровского завода жители.

- Максим Ковинов
- Филипп Долматов
- Петр Жданов
- Борис Тюрнин
- Андрей Колыхматов
- Никифор Сырегин

Для приказчиков это было гораздо выгоднее, чем нанимать дополнительных каменщиков. По итогам сезона расплатились со строителями, но деньги за работу были выданы не все. Четырём пермским каменщикам было заплачено деньгами 55 рублей и зачтено еще 22 рубля «харчами и хлебом». А вот своим крестьянам, подрядившимся на работы, было выдано по рублю и обещано еще...

³ Храмозданными назывались грамоты, в которых давалось благословение на основание и постройку новой церкви, описывались ее вид и структура.

Но все равно строителей не хватало, и работа шла медленно. Как назло, и погода подводила. Лето 1790 года выдалось холодным и дождливым, 11 сентября уже выпал первый снег, а 12 сентября все замерзло. Работники получили расчет и были отпущены по домам. То, что успели сложить, было укрыто на зиму, успели также возвести леса для продолжения работ в следующем году.

Управитель Кокшаров в том же сентябре докладывал князю Голицыну: «Правда я и думал было, чтобы со временем внутри и выштукатурить, но теперь уже все оное отставив, а дай бог нам бы только собрать в стопу совсем, то бы и слава богу, но только вседневныя дожди⁴ великия делают помешательства и остановку, даже после 29 июля за оным ненаちием, почти ничего не прибыло созидания оной»^{xv}.

Более подробный итог строительства зафиксирован в другом рапорте в Пермское правление: «При церкви вокруг поверх окошек складено на три четверти⁵ а полатки с полуденную сторону до половины окошек а северную от полу на 6 четвертей и она от каменного фундаменту вышиной 6 аршин 2 вершка⁶»^{xvi}.

Варокин, вернувшись в верхние Муллы, где в то время находилось главное правление Пермских вотчин Голицыных, подготовил перечень мероприятий, необходимых для завершения строительства в следующем году. Время показало, как наивен он был, ведь строительство в итоге растянулось на долгие 35 лет!

Тем не менее одним из главных условий было: «не менее 30 каменщиков потребно, и чтобы не было задержки с кирпичем и известью». Кроме этого, он считал необходимым уже зимой приготовить необходимое количество леса для изготовления балок и кровли и начинать отливку плит для чугунного пола по готовому уже шаблону.

Это все можно было делать на месте, так как лесу вокруг хватало и литье чугуна на заводе уже было освоено и запущено. Уже в 1788 году была сформирована бригада «плавщиков чугуна»^{xvii}:

- Иван Стажиев
- Федор Неустоев
- Егор Романов
- Матвей Кузнецов
- Яков Чудинов
- Василий Неустроев
- Аверьян Зудов
- Семен Тюрнин

А вот железные изделия надо было везти из Нытвы: «На крышку глав листовое железо и кресты приказать делать на Нытвенском заводе чтобы по зиме и доставить было можно». Кроме этого, требовалось изготовить и привезти железные элементы для укрепления кирпичных стен, крепления поперечных балок и окон. Для работы с этим железом требовалось соорудить на стройке кузницу для сварки железа на месте. Но везти надо было не только железные детали, так во исполнение приказа для «деланья решоток» в окна церкви Архангело-Пашийского завода 26 июля 1791 года из Нытвы был отправлен старший кузнец Григорий Репнин.

Кроме строительных приготовлений, шла работа и по подготовке внутреннего оснащения будущей церкви. В январе 1791 года приказчик Митянин докладывал в правление: «Прошлого лета добытой вверх по реке Вежаю для письма святых образов кедровый лес чetyреста досок в завод вывезен равно ж и липняного 300

⁴ Дожди, но именно так написано в оригинале

⁵ Четверть это примерно 18 см.

⁶ Аршин это примерно 72 см. вершок – 4 см.

деревьев перевезены и покладены в удобное место а иной уже и просушиваются».^{xviii}

Несмотря на то, что церковь еще была не достроена и не освящена, приход уже был сформирован. И священник Федор Стефанов сын Варушкин и диакон Иван Григорьев Коровин начали исполнение своих обязанностей. Первым новорожденным, крещеным в Архангело-Пашийском заводе был «Пашийского завода у жителя Кирила Иванова Костарева сын Григорий»^{xix}, родившийся 3 января 1791 года.

Весной 1791 года работы возобновились. Но для создания внутреннего убранства церкви требовались знающие мастера. Поскольку таких мастеров в вотчинах Голицыных не было, то Кокшаровым, для примера, были «испрошены» рисунки иконостасов Соликамской и Красносельской⁷ церквей. Рисунки были доставлены в правление с тем, чтобы с ними были ознакомлены имеющиеся «столяры и живописцы» и затем вместе с рисунками отправлены в Архангело-Пашийский завод. Живописцы отправились на завод в августе. Строительство придела планировалось закончить к 8 ноября – Михайлову дню – тезоименитству князя Михаила Голицына. Поэтому Кокшаров наставлял приказчиков: «ни в чем остановки недолжно быть, только б столяра и живописцы недремно поворачивались»^{xx}.

Каменщиков на стройке больше не стало, но тем не менее к осени первый придел был готов. Покрытое временной крышей, еще мало обустроенное, но уже теплое и готовое принять первых прихожан. В октябре Управитель Кокшаров докладывал Голицыну что стены просушили и проштукатурили изнутри, а снаружи не трогали до завершения всего здания. Тут же он успокаивал князя относительно расходов на строительство, что лишнего не потратим, золота будет потрачено всего на 40 рублей, а красок и того меньше.

Кроме того, заверял он князя, и на работы затраты минимальные так как «живописцы все вашего сиятельства крепостные рабы» которым оклад на все их содержание самому лучшему мастеру всего 45 рублей а четырем ученикам от 20 до 10 рублей в год, и столяры на самом умеренном окладе.

5 ноября 1791 г отправляется «доношение» в Пермское духовное правление с просьбой освятить первый придел. Там же было написано, что свои обязательства по выделению земли под церковь и для пользования священнослужителям Пермское правление выполнило. Интересна подпись под ним: «К сему доношению строитель упоминаемой церкви кредитованный управитель Константин Кокшаров руку приложил».

К освящению первого придела готовились, несколько раз переносили день, ожидая высоких гостей, но так никого и не дождались и в декабре накануне Рождества «по приделу вознесения Господня с 23 числа сего месяца и самое священие уже совершено с особливым восхищением всей окрестности народа»^{xxi}.

До нас не дошло никаких планов церкви того времени. Но исходя из описания и планировок других церквей можно предположить, ее внутреннее устройство. У церкви было два боковых входа, один из которых был впоследствии заложен. Из двери можно было попасть в «сени», занимавшие собой один проем. В одну короткую сторону от входа были «палатки» - подсобные помещения, занимавшие три оконных проема, а в другую за двумя дверьми и начинался первый придел, длинной тоже в три окна, заканчивающийся двумя арочными проемами. В центре размещался небольшой алтарь, а сбоку был проход в следующий, летний придел первого этажа, который к этому времени еще не был достроен. Проход был закрыт,

⁷ Церковь села Красное – в то время пригорода Соликамска

обеспечивая сохранность тепла в существующем помещении. Впрочем, и в дальнейшем он закрывался на зиму, отделяя летнее помещение церкви.

В феврале 1792 года Кокшаров докладывал князю Голицыну: «Относительно до церкви в Архангелопашийском заводе то в будущее лето строения к возвышению церкви не будет, кроме как некоторого выровнения стен по случаю недостатка кирпича который и будем заготовлять во все наступающее лето а в 1793 году будем окончать возвышением, то требуемый вами государь план и фасад ежели ныне вскоре не успею прислать, могу поднести лично и сам»^{xxii}.

В еженедельном рапорте, который заводская контора отправляла в главное правление после сведений о выплавке чугуна, подготовке руды и дров появились сведения о работе на стройке. Впрочем, разнообразием они не отличались: «В кладке церкви остановки нет», «деланье кирпича продолжается». Судя по документам кладку, в это время делали свои мастера, возвращенные на завод из другихстроек. Очередной ордер заводскому приказчику гласил: «Заводские ремесленники Данило Дылдин, Федор Корелин, Алексей Шардин и Владыкин, Яков Сибиряков по вытребованию моему и правления быв присланными сюда находились первые два при селе Верхомулинском при кладке у Николаевской церкви колокольни, а последние два человека в Перми укладки в господском третьем флигеле печей»^{xxiii}. Далее сообщалось что из-за потребности в кладке церкви Пашийского завода «отпущены в дома свои» и по прибытию их требуется незамедлительно направить их на строительство церкви.

Продолжалась закупка церковной утвари. Для учета присланных на завод «покупные у Макарья на иждевение наших Высокодражащих господ вещи» под которыми подразумевались библия, чаши, кресты, подсвечники было велено завести учетную книгу, где и расписываться приказчикам и церковным в приеме в церковь на хранение.

В феврале 1793 года Кокшаров находит исполнителя резных работ для оформления церкви. Это резных дел мастер Дмитрий Александров сын Некипелов, служитель баронов Строгановых из села Ленва. Несмотря на то что заводскими столярами уже начата была работа по иконостасу с Некипеловым был заключен договор «в рассуждении лутчих выгодностей как то для скорейшего совершения оного на месте и для обучения между тем резному делу из собственных их Сиятельств людей двух или трех человек, выбранных нарочно из молодых столяров и из обучающихся рисовальному искусству мальчиков»^{xxiv}. Так же в договоре оговаривалось создание «для сооружения в архангелопашийскую церковь резного Спасительных страстей Христовых образа, сидящего в темнице».

Резчика было велено определить на жилье или в дом мельника или отдать комнату в господском доме, снабдить коровой и в соответствии с договором платить и учитывать деньги. Также предписывалось подобрать ему трех учеников, а чтобы все работы по контракту были выполнены вовремя в помощь ему обещаны были еще дополнительно из села Верхомулинского столяры и живописцы. Проконтролировать исполнение приказа поручено управителю Варокину и если что не так, то «Строгое взыскание учинено будет с приказчика Митянина».

И еще одно интересное помещение появилось в церкви в это время. Кроме инвентаря, для проведения служб на завод были присланы два ведра церковного вина, которых по расчетам правления должно было хватить на два года. К вину прилагалось указание: «Дабы лучше сохранить его, приказываю в церковь в алтаре в том месте где священнику я назначил вырыть нынеж поглубже погреб длине и ширине в одну сажень, спустя струб и зделать пристойную лесенку и прочее нужное к тому отделать а крыша б была чюгунная, дабы после от полу неотменилась»^{xxv}. Вино было велено разлить в бутылки, запечатать конторской печатью и положить в тот погреб на бок в песок. Не забыты в приказе и

существующие винные припасы. Сообщалось что поскольку имеющееся при церкви вино и было то не самое хорошее, а за старостью уже вряд ли годится для службы, то было велено отдать его в употребление священнику и диакону как награду.

Следующим крупным этапом работ было завершение строительства всего первого этажа и освящение второго придела во имя Архангела Михаила. Летом 1793 года кладка была завершена и сделана общая на два придела крыша, тоже временная, но уже понадежнее. Второй придел, занимавший все свободное пространство церкви и имевший уже архитектурно выделенное алтарное пространство к этому времени, не планировался еще быть теплым.

Продолжалось и оснащение церкви. Главным правлением утверждались ведомости на покупку в церкви утвари. Управитель Кокшаров в своей переписке с настоятелем знаменитого Пыскорского монастыря Архимандритом Иакинфом обсуждал пожертвование в церковь книг и церковной утвари. Монастырь к тому времени уже два раза сменил свое местоположение и был в процессе переезда в третий раз, в губернский город Пермь.

Вечером 1 июля 1793г, по просьбе Кокшарова, для инспекции строительства прибыл «Пермский губернский архитектор Петр Тимофеевич господин Васильев»^{xxvi}. Несмотря на такое громкое звание, в то время это был двадцатидвухлетний юноша, месяц назад, назначенный на этот пост и впоследствии ставший достаточно известным Пермским архитектором. Архитектор был гостеприимно встречен местным приказчиком, размещен в господском доме, обеспечен подобающим пропитанием. На следующий день «особливо строение святой церкви обозрение им чинено», но замечаний по осмотру не было. Он даже одобрил выполненную к этому моменту «Резную работу подобие Христа спасителя». Работу архитектор признал «порядочной и с правилами архитектуры и порядка сходную». Также не было замечаний и при осмотре приготовленных для стройки материалов, кирпичей, железных конструкций, балок. Он дал наставления мастеру Изотову по производству дальнейших работ и снял мерки на иконостас в уже почти достроенный придел архангела Михаила.

Но с этим архитектор подвел строителей: «Работы по иконостасу в придел архангела Михаила приостановлены ждем план, который губернский архитектор обещал сделать в Перми и отдать в правление»^{xxvii} сообщалось в одном из рапортов в июле. Не дождалось обещанного и в августе. И вот наконец-то дождалось, но были очень разочарованы. В следующем рапорте по этому поводу докладывали: «Рисунок иконостаса 8 сентября от пермского архитектора получен. Оказался не по размеру».

Но тут как уж водится проблему решили своими силами. Благо к этому времени на месте уже были мастера. Осип и Федор Павловы – для написания икон и росписи стен, и резчик Дмитрий Никипелов для резьбы иконостаса и деревянных скульптур. В итоге Правление получило следующее сообщение: «Живописцем Федором Павловым сделан другой, который и посылаем вам на утверждение. Согласованный с церковными и стариком Дмитрием Никипеловым.»^{xxviii}

Три мастера, естественно, не могли выполнить весь объем работ. Для помощи и в обучение к ним были назначены ученики из крепостных крестьян. Несколько человек было своих, заводских. Остальных присылали из других вотчин. Работа над внутренним убранством церкви шла активно. Летом и осенью 1793 года сводки об этих работах в рапортах управителю Кокшарову похожи на сводки с фронта:^{xxix}

«Темница для постановления образа Христа спасителя делом окончена. И в предел вознесения господня в принадлежащее место поставлена в 8 числе сего июня»;

«Мастер Некипелов с учениками под присмотром священника Варушкина и диакона Ивана Коровина ныне приступил к делу креста и гробницы, которые ту работу и производят с поспешенностью и никогда от него никакой остановки не бывает»;

«Живописцы Федор Павлов с товарищи с 14-го определены к отживке⁸ первой гистории, что уподобление в темнице, которая разобрана и к отживке образа спасителя ангелов и хрувимов и приступлено»;

«Краски и прочее доставлены, а для золочения нужно до 1000 листов золота»;

«Спасителя образа и темницы живописцами к работе приступлены».

Тем не менее использование на стройке своих крестьян имело и свои особенности, не способствующие быстрому выполнению работ. Надо понимать, что несмотря ни на что, крестьянских работников больше беспокоили вопросы насущной жизни и выживания будущей зимой. И приказчики были вынуждены с этим смириться: «Резных дел мастер Никипелов с одним учеником при деле креста и гроба господня находятся благополучно, а здешние три отпущены на заготовку сена.»

Летом же, 29 июля были получены еще два колокола. Первый весом 31 пуда 28 фунтов и второй маленький 4 пуда и 21 $\frac{3}{4}$ фунта. На большом колоколе были изображены 3 образа: троицы, вознесения господня, архистратига Михаила и три херувима. Колокол опоясывала надпись: «Лит сей колокол в Невьянском заводе Пермского наместничества пермской округи для его сиятельств генерал порутчика действительного камергера и разных орденов кавалера князя Михайла Михайловича Голицына» Колокола встречали празднично, при получении был отслужен молебен.

Осенью работы продолжались и уже были близки к завершению: «Живописцы Павловы с учениками при писке святых образов, Курочкин и Ширинкин с учениками при писке и лакировке подносов и других штук, резных дел мастер Некипелов с учениками при кончине в церкви иконостасу»^{xxx}. Дьякон Ивана Коровин 29 ноября 1793 года сообщал: «иконостас работою совсем уже окончен и на сей же неделе на место будет поставлен».

В связи с близким завершением работ стали планировать освящение вновь отстроенного и обустроенного большого придела. Приказчика на заводе не было, он был отправлен в поездку по заводским делам. Оставшийся на хозяйстве его помощник Тарасов рапортовал в правление: «Нижеподписавшийся помощник и священник Варушкин и все общество согласились чтобы придел архистратига Михаила сделать освящение в 30 день сего декабря»^{xxxi}.

Как и с первым приделом, этим планам не удалось осуществиться. Что было причиной неизвестно, то ли ждали главного управляющего, то ли что-то опять было не готово, но в итоге придел был освящен только 6 февраля 1794 года. А впереди была еще очень долгая работа по возведению второго этажа и колокольни. Работы продолжились и на следующий год, а потом и на следующий...

В том же 1794 году Пермским правлением был заключен договор с архитектором Федором Прокопьевичем Казанцовым. В его обязанности входило не только надзор за строительством церкви и заводских построек, но и организация производства на заводе кибиток и карет.

Поскольку основная работа по убранству церкви была закончена, мастера были отпущены. Еще в сентябре 1793 года мастер Никипелов писал, что работы по его контракту выполнены, четыре ученика резным работам обучены, учениками

⁸ Отживлять, отживить икону, картину - нанести кистью яркие света, игру, блики, блески, жары;

доволен. Но тем не менее просил оставить его еще на полгода. Интересно, что контракт не продлили, но мастер все равно остался, ожидал финального расчета, зарабатывал на жизнь изготовлением и продажей заводским жителям деревянной посуды. Завод он покинул только 9 марта 1794 года.

Штат церкви уже был полностью укомплектован: Священник Федор Варушкин, диакон Иоанн Коровин, дьячек Стефан Варушкин, пономарь Петр Конюхов. Жили они по-прежнему в господском доме, на пропитание им был положен денежный оклад. Своего хозяйства они не вели и оклада явно не хватало. В 1796 году обращались они в правление с просьбой о выдаче на всех 40 пудов ржаной муки в год и разрешения пользоваться заводским углем. Прошение обосновывали тем, что хлебу нынче: «уже выше тройной цены последовала чрезвычайная дороговизна»

Несмотря на формальное завершение строительства второго придела работы по внутреннему убранству продолжались. Так в отчете за 1799 год по расходу на заводе различных материалов находятся и записи по церкви^{xxxii}.

Сначала перечислены «расходные материалы» используемые при церковных службах, такие как: «Вино 1 ведро 7руб 18 $\frac{3}{4}$ копеек, Воску желтого 2 пуда 6 $\frac{3}{4}$ фунта 38 руб 35 коп на дело свеч употреблено»

Следующий ингредиент использовался не только для церковных нужд: «Масла деревянного⁹ 1 пуд 3 фунта 18,65 руб. Отпущено в церковь для миропомазания 10 фунтов, на конюшню для лечения лошадей 5 фунтов, в гофшпиталь для лечения больного народа 5 фунтов»

И наконец материалы для дальнейшего оформления церкви: «Листового золота Червонного 250 листов 6,50 рублей Отпущено в лакированную на золотьбу вещей. Двойного 4987 листов 59,85 руб в живописную на золотьбу в церкви горного места. Серебра 3700 листов 9 руб 9 коп на серебрение в церкви горного места»

Итог строительства по состоянию на 1800 год мы можем знать в дошедшем до наших дней описании: «учиненное 1800 года в генваре месяце^{xxxiii}». В нем подробно расписан внешний вид церкви:

«Церковь божию снаружи: Складена она от земли на 5 сажень на извязном бутовом камню з большими между оными не весьма гладко обтесанными извести сделанными швами. А потом продолжена в вышину со зданным по кровлю карнизом из кирпича в притирку под крышу назначено на 6 сажень и 2 аршина длинной. Поперечь 6 сажень 1 аршин посреди оной для входу в трапезу с обеих сторон два крыльца из дерева На правую ж сторону вход в теплую церковь покрыта онаж как назначено.»

Про отсутствие второго этажа скромно сообщалось: «В верхнем этаже, который однакож за неокончанием кладкой церкви остался еще несовершенен еще быть верху третьему храму».

Колоколов уже стало больше, но колокольную тоже еще не построили: «На время желобками пред тою церковью небольшое 10ти сажень колокольной на столбах временно до устройства над церковью каменной сделанной, на ней 8 колоколов во всех оных весу 62 пуда 6 $\frac{1}{4}$ фунта по ценам на (год не указан) 7048 руб. 38 коп.»

Про продолжение работ по внутреннему оформлению свидетельствует и следующая запись: «на левой стороне две полатки теплые с печами ис коих в одной хранитца для церкви на свечи воск и прочие для оной потребности, а в другой рещик продолжает по дереву работу». «Рещиками» в то время, были местные жители, ученики мастера Никеева - Иван Гаврилов Жуков и Петр Максимов Сибиряков. Но это так и не стало их профессией. После окончания оформления

⁹ Он же елей – оливковое масло

церкви Иван Жуков был определен в ученики теперь уже плотинного мастера – очень почетная по тем временам должность, а Петр Сибиряков был определен в поторжные¹⁰ плотники. Работы у них было уже не так уж и много, потому что основные, частично дошедшие до нас образцы деревянной скульптуры, уже были выполнены:

«В теплом храме что во имя вознесения господня Иконостас столярной работы, покрытый голубого цвета краской с наложенными в приличных местах резными позолоченными штуками В нем царские врата с накладною резьбою позолоченой и образами благовещению пресвятой богородицы и четырех евангелистов».

Со следующим экземпляром труда резчиков сегодня можно ознакомиться в Пермской художественной галерее. После реставрации он выглядит точно так же, как и в описании: «На северной стороне в равенству напротив алтаря образ сидящего в темницу Христа под белым флюром¹¹ за стеклом с трех сторон под балдахином на четырех резных столбцах позолоченных. Убранный с низу и сверху резными штуками и позолоченными стоящими на оном херувимами и ангелами со страстями. Завесы у оной по четырем углам тафтяные¹² кофейные.» (№1 в Описи собрания пермской деревянной скульптуры).^{xxxiv}

Еще богаче был оформлен второй придел архангела Михаила: «Иконостас столярной работы покрытый зеленогу цвету краскою с накладного в приличных местах резьбою позолоченного в нем царские врата разные позолоченные с наложенными на оные образами благовещению пресвятыя богородицы с архангелом Гаврииломи четырех Евангелистов над оными вратами агнец в сосуде и по обе стороны по одному ангелу».

Алтарь тоже выделялся результатом работ резчиков: «В алтаре сень¹³ над престолом резная на четырех столбцах резных же позолоченных она покрыта облаками на них сидячий образ господя Саваофа держащий в правой руке скипетр, а левой благославляет, по углам стоящими четыре евангелиста имеющие в руках евангелия» (№ 3 в Описи собрания пермской деревянной скульптуры^{xxxv}).

«Горнее место на двух столбцах без резьбы покрыто з завесами вырезанные из дерева под краскою зеленого цвету и с вызолоченными бахромами поверх оной завесы резьба с тремя херувимами и с изображением по чинослужению архиерейскому Евангелия креста, Чаши водоосвещательной, двух кадил, трекирии¹⁴, посоха, и шапки, зделанные из дерева».

Но и остальное убранство церкви тоже не обошлось без работы резчика. При входе в храм с правой стороны: «Гроб господень деревянный с резьбою позолоченою под покровом гранитур¹⁵ сизого стоящей на красном сукне в нем полагаются плащаница виду возрастного господя нашего И_исуса Христа написанная по углам на полотне с херувимами, а по краям золотыми литерами¹⁶ Тропарь благообразный Иосиф¹⁷! Под балдахином на четырех столбцах резных позолоченных с вырезанными снизу решотками а сверху шпренделями¹⁸ позолоченными по углам четыре стоящие Серафима держащие свитки,

¹⁰ Выполняющий разовые работы

¹¹ В наше время пишется «флер» - тонкая, прозрачная (преимущественно шёлковая) ткань.

¹² Тафта – вид ткани

¹³ Сень – шатер, навес на столбах или колоннах, возводящийся над алтарем

¹⁴ Трикирий – подсвечник для трех свечей. Используется на архиерейском богослужении.

¹⁵ Плотная ткань

¹⁶ Буквами

¹⁷ Тропарь (краткое песнопение) погребения Христова «Благообразный Иосиф» поется во время выноса Плащаницы

¹⁸ Элемент строительной конструкции

изображавшие святой боже, по шпренделям херувимы завесы по четырем углам тафты кофейной»

А с левой стороны: «Распятие резное И_исуса Христа на кресте пригвожденный под таким же балдахином как и при гробе с такою только отличию что по углам и по шпренделям стоит восемь ангелов со страстями; крест утвержден в нарочито зделанное предместие окладом мраморными камнями наподобие горы. Завесы по углам тафты кофейной»

Распятие из Пашийской церкви тоже хранится в Пермской художественной галерее, но балдахин и ангелы давно уже пропали. (№ 2 в Описи собрания пермской деревянной скульптуры)^{xxxvi}.

Управитель Константин Кокшаров был отозван с Пермской вотчины и отправлен в Санкт-Петербург еще в 1795 году, а без его энтузиазма работы по строительству и оснащению церкви совершенно встали. Осенью 1808 года все тот же Иван Иванович Варокин, который по прежнему, уже как член правления, надзирал над заводами писал уже наследнику прежнего князя – Сергею Михайловичу Голицыну: «Для достройки здешней церкви мастер необходимо нужен о котором и сообщено будет главного правления членам»^{xxxvii}.

Кладка церкви закончилась к осени 1811 года. Иван Иванович Варокин в своем письме от 21 сентября сообщал: «У кладки святой церкви находилось вольных каменщиков восемь и собственных при пiske карнизов на фронтоны пять обоего тринадцать человек которыми на прошедшей неделе с обеих сторон церкви на готовых щипцах фронтоны окончены, оставались одни обжимы, покрытие алтаря железом а купола тесом»^{xxxviii}, после чего каменщики были перемещены для строительства церкви в село Троицкое.

Третий придел на втором этаже церкви освятили только в 1826 году. Еще за год до этого в клировой ведомости церкви за 1825 году было написано: «Церковь каменная двудепартаментная, в верхнем департаменте престольная холодная, которая совсем отстроена но не освящена»^{xxxix} Колоколов стало девять, а у распятия 8 ангелов на балдахине заменили предстоящие Богоматерь и Иоанн Богослов, скульптуры которых тоже дошли до наших дней.

Судя по всему, в 1826 году, в связи с освящением третьего престола церковь подверглась некоторой реконструкции. Скорее всего это было связано с тем, что над алтарем и престолом первого придела появилось новое помещение. Престол был перенесен к алтарю второго придела и переосвящен с именованием Богоявления господня. Второй придел все еще числился холодным, но вскоре весь первый этаж был переоборудован для зимнего использования. После выхода в 1835 году указа Синода, в котором использование скульптуры в церквях было окончательно запрещено, убранство церкви опять подверглось переделке.

Композиция сидящего Спасителя в темнице была перенесена в Канабековскую часовню, резное распятие в часовню Михайловского завода, скульптуры предстоятелей от него отправились в церковный подвал, бог Савоф и еще три ангела нашли убежище в часовне деревни Половинки^{xl}.

В дальнейшем прошла еще одна реконструкция и в двадцатый век церковь вступила с двумя приделами – нижним теплым и верхним холодным. Кроме достаточно известного изображения внешнего вида церкви из альбома князя Голицына, хранящегося в Березниковском художественном музее, в том же альбоме есть и фотография алтаря верхнего придела. Деревянных скульптур уже не было, но иконостас и царские врата украшены резьбой по дереву.

Церковная ограда с начала постройки оставалась деревянной, пока наконец то, примерно в 1880 году ветхие деревянные решетки не заменили на чугунные, покрашенные в зеленый цвет.

Место за оградой долгое время использовалось как место погребения. Вопреки устоявшемуся стереотипу у церкви долгое время хоронили не только священников, а всех местных жителей. Уже после появления приходского кладбища, судя по записям в метрической книге церкви видно^{xli}, что еще в 1835 году большинство погребений было «у церкви». На кладбище хоронили только жителей других мест и младенцев. Но уже на следующий год единственным местом захоронения стало приходское кладбище.

Постепенно церковь прирастала часовнями. Год их строительства нигде не фиксировался, поэтому можно только догадываться. Самой первой была часовня в деревне Всесвятской или как тогда говорили Сесвятской. Кроме того, что она стояла на дороге, ведущей в Камасино и далее в Пермь, там был и один из первых заводских рудников. Приказ о ее постройке был дан еще в 1790 году^{xlii}. Возможно, после этого, она несколько раз перестраивалась, но в 1896 году была заново отстроена во имя Всех Святых. Деревня, после постройки одноименной станции в XX веке сменила свое название и стала называться Половинной по имени, протекающей там реки. Под именем Половинки она известна и в наши дни.

Из страховых документов известны даты строительства и других часовен^{xliii}. Деревянная часовня Святого Пророка Илии была построена в 1859 году, в Канабеках, затем в 1871 году дощатая в Верхнем (Михайловском) заводе и деревянная же часовня Святителей Николая и Афонасия в поселении при Зыковском руднике.

В районе Пихтовка часовня появилась в 1890 году. Тоже деревянная, изначально она была в честь Святого князя Владимира, а затем Петра и Павла. Единственная каменная часовня в честь Всех Святых была построена при заводском кладбище в 1791 году.

История постепенного разрушения церкви в годы советской власти уже неоднократно описывалась разными авторами. Сегодня руины церкви представляют собой печальное зрелище. Усыпанный обломками грунт на месте первого этажа, сохранившиеся кирпичные стены зияют пустыми оконными проемами. А ведь не так уж и давно в семидесятые годы прошлого века над церковью еще сохранялась крыша, на внутренних стенах можно было рассмотреть остатки росписи и еще была жива надежда на возможное восстановление...

Баранов К.Ю.

2025 год

Внешний вид церкви в 1880 году. Фото из Альбома кн. С.М. Голицына их "Березниковского историко-художественного музея им. И.Ф. Коновалова"

Убранство верхнего придела церкви в 1880 году. Фото из Альбома кн. С.М. Голицына их "Березниковского историко-художественного музея им. И.Ф. Коновалова"

Церковь в 1971 году. Фото В.Г. Васильева

Церковь в 2023 году Фото автора

Родана Гена. 23. дн 1792. 18

Книга пятисой епаріи перманого Наместнигства Копруш
вѣдомства перманого духовнаго Правленія Архангело пашіисаго
Запада троицкой церкви священника Федора Стефанова сына
парушина Идианова илана Григорьева Коробина родившихся
бракосотавшихся иушрающихъ утисна Засей, 1791, года

Часть первая,

#	Въ январѣ	Мѣсѣцъ,
1	3 пашіисаго Запада ужителя Кирила илана постарела сына Григорій	8 молитвовалъ преставилъ иерей Феодоръ восприемникъ перломучинного 10 сына служителя Александра иланова рютинова, ~~перем~~
2	7 тогожъ Запада услужителя аи-Уся бакаллина дотъ доминна.	молитвовалъ преставилъ иерей Федоръ восприемникъ того Запада служителя Илии лаврюнова дотъ доминна Сидонна,
3	5 Кусинскаго Запада ужителя Гри-ма баэнина сына Савва	11 молитвовалъ преставилъ иерей Федоръ восприемникъ того Запада служителя Григорей икатиба Шкопурова, 12
4	8 пашіисаго Запада услужителя Якова Фимина баранова сына Ива	9 молитвовалъ преставилъ иерей Федоръ восприемникъ идианова постарела 15 жителя Александра постарела,
5	10 того Запада ужителя Алексея Свобтина сына Франасей	11 молитвовалъ преставилъ иерей Феодоръ восприемникъ 18 дотъ того Запада жителя семента Полобова,
6	17 пусынскаго Запада ужителя Пав-Силья шаварина сына Ивана	23 молитвовалъ преставилъ иерей Феодоръ восприемникъ того Запада 24 жителя михайло ошникъ,
7	18 тогожъ Запада ужителя Ивана Федорова степлонова сына Григоріи	30 молитвовалъ преставилъ иерей Феодоръ восприемникъ дятлиа дмит- 27 трій,
8	23 тогожъ Запада услужителя Пав-ла михайлова багорева сына Ивана	30 молитвовалъ преставилъ иерей Феодоръ восприемникъ Паминного 31 сына принашника пасилей Ивана багерева,
9	= тогожъ Запада ужителя Федора Свеплонова сына Ивана	молитвовалъ преставилъ иерей Феодоръ восприемникъ дятлиа дмит- = трій,
10	25 того Запада ужителя Федора Ка-Запава сына Герасима Федорова	24 молитвовалъ преставилъ иерей Феодоръ восприемникъ тогожъ 4 Запада служителя василей Постарела,

23. Сен. 1792. 18

-
- i РГАДА Ф.1263, Оп. 10, ч.2 Д.1070
- ii Там же
- iii Там же
- iv «Пятые районные краеведческие Киреевские чтения» Горнозаводск 2004.
- v РГАДА Ф.1263, Оп. 10, ч.2 Д.211
- vi ГИМ ОПИ Ф.14, Оп.1, Д. 776
- vii РГИА Ф. 796 Оп. 69 Д. 14
- viii Там же
- ix ГИМ ОПИ Ф.14, Оп.1, Д. 348
- x ГИМ ОПИ Ф.14, Оп.1, Д. 776
- xi ГИМ ОПИ Ф.14, Оп.1, Д. 778
- xii Там же
- xiii ГИМ ОПИ Ф.14, Оп.1, Д. 778
- xiv Там же
- xv РГАДА Ф.1263, Оп. 10, Д.1061
- xvi ГИМ ОПИ Ф.14, Оп.1, Д. 778
- xvii ГИМ ОПИ Ф.14, Оп.1, Д. 776
- xviii ГИМ ОПИ Ф.14, Оп.1, Д. 334
- xix ГАПК Ф. 37, Оп.1, Д. 3
- xx ГИМ ОПИ Ф.14, Оп.1, Д. 386
- xxi ГИМ ОПИ Ф.14, Оп.1, Д. 348
- xxii ГИМ ОПИ Ф.14, Оп.1, Д. 349
- xxiii ГИМ ОПИ Ф.14, Оп.1, Д. 350
- xxiv ГИМ ОПИ Ф.14, Оп.1, Д. 395
- xxv Там же
- xxvi ГИМ ОПИ Ф.14, Оп.1, Д. 779
- xxvii Там же
- xxviii Там же
- xxix Там же
- xxx Там же
- xxxi Там же
- xxxii ГИМ ОПИ Ф.14, Оп.1, Д.1625
- xxxiii РГАДА Ф.1263, Оп. 10, Д.1637
- xxxiv Н.Н. Серебренников «Пермская деревянная скульптура» Пермь 1928 год.
- xxxv Там же
- xxxvi Там же
- xxxvii ГИМ ОПИ Ф.14, Оп.1, Д.781
- xxxviii ГИМ ОПИ Ф.14, Оп.1, Д.365
- xxxix ГАПК Ф. 195, Оп.1, Д. 55
- xl Там же
- xli ГАПК Ф.37.Оп.1, Д.106
- xlii ГИМ ОПИ Ф.14, Оп.1, Д. 778
- xliii РГИА Ф.799, Оп.33, Д. 1314